

КРАХ ВО СПАСЕНИЕ

(СОЦИАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО РЕЖИМА).

О.И.Шкаратан, В.П.Коломиец

Общество, подобно биологическому организму, не может существовать без механизма наследования. Но у общества, как и у организма, есть болезни. Исследователи Шкаратан и Коломиец рассматривают советский режим как социально-генетическую болезнь, поражающую не только общественное сознание, но и его непосредственного носителя — человека.

К числу факторов, вызывающих эту болезнь, относятся войны, революции, эпидемии. Но самым главным из них, ослабляющим весь "организм", является тоталитарный режим, в частности, "сталинизм". Если войны, революции, эпидемии ведут к "отрицательной селекции" (П.Сорокин), то "сталинизм" привел к геноциду — физическому уничтожению лучших представителей нации. В результате геноцида, как показывают многочисленные статистические данные, приводимые Шкаратаном и Коломийцем, интеллектуальный и культурный уровень всех субъектов социального творчества достиг катастрофически низкой отметки. Вывод, к которому приходят исследователи, не внушает оптимизма: обществом посредственностей правят люди со средними интеллектуальными возможностями. К чему способно такое общество? — Ответ на этот вопрос авторы статьи оставляют за читателями.

Общество, подобно биологическому организму, не может существовать **3**
без механизма наследования. Проблема соотношения традиции и инновации — одна из наиболее интересных и малоизученных тайн преемственности, с одной стороны, и изменений в процессе общественного развития, с другой. В конечном счете, речь идет о теории и механизмах социального воспроизводства, о соотношении эволюционных и революционных процессов в общественном движении, о прогрессе и регрессе. Пожалуй, сегодня самая острая для бывшего советского общества проблема состоит в нахождении путей мирного, нереволюционного трансформирования этакратической, сталинской по форме системы в демократическую. В этих условиях особое значение приобретает состояние общественного мнения, преобразование ценностных систем у населения, чтобы прервать, наконец, длившийся вот уже 70 лет кровавый путь потрясений и насильственных действий по отношению к людям.

Другими словами, речь идет об избавлении от деспотизма, как, впрочем, и от других, более "мягких" традиций государственного социализма (этакратизма) демократическими (нетрадиционными для нашего общества) методами.

О противоречивости общественного сознания говорят данные различных социологических исследований. В качестве примера можно привести результаты опроса, проведенного коллективом авторов в мае 1992 г. по репрезентативной всероссийской выборке. (1). Почти 50% опрошенных считает, что введение свободной рыночной экономики — это правильный

шаг для будущего России. 53% согласны, что необходимо передавать государственную собственность (заводы, фабрики, магазины) в частные руки. Однако, когда речь заходит о конкретных деталях этого рынка, путях перехода к нему, картина меняется. Многие, что составляет суть рынка, кажется общественному сознанию сомнительным, опасным, не соответствующим представлениям о справедливом обществе. На вопрос: что в настоящий момент будет способствовать улучшению положения в стране — 71% населения отвечает, что государственный контроль над ценами. В обществе отсутствует уверенность в возможности преодоления кризиса в рамках демократического режима. Все чаще и чаще раздаются голоса в защиту необходимости твердой руки.

Как справедливо утверждает Т.И.Заславская, "...самое страшное: у человека в нашей системе атрофировалась за ненужностью способность самостоятельно утверждать себя в жизни. В результате большинство людей стали беспомощными и пассивными, зато сильно распространились иждивенческие настроения... Данные исследований показывают: большинство людей нашей страны убеждены в том, что основную часть их жизненных проблем должны решать не они сами, а прежде всего государственные органы" (2).

4

Еще одна особенность, которая характерна для общественного сознания как вчера, так и сегодня — полный разрыв с прошлым, с традицией, с историей. Общество, к которому мы сейчас движемся, есть посткоммунистическое, постсоциалистическое, а не антикоммунистическое или антисоциалистическое. Нельзя забывать, что 74 года советской истории — это средняя продолжительность жизни человека на земле, и в этой связи большинство жителей Советского Союза родилось в эти годы. Они уже имеют свою историю, которую нельзя выбросить, нельзя отменить, какой бы горькой она не казалась посвященному. Попытка повернуть колесо истории на несколько оборотов назад, которая проявляется в переименовании улиц, в сносе памятников, есть ничто иное, как отголосок того же сталинизма, против которого, казалось бы, направлены все эти действия.

Прав А.Ципко, когда утверждает: "Народ, который не в состоянии признаться в своих собственных ошибках и слабостях, не в состоянии учиться на своей собственной истории, не имеет будущего. Он просто мертв душой. Чтобы возбудить у себя ненависть к собственной истории, к собственному государству, не надо ни ума, ни смелости. Мужество и разум необходимы, чтобы увидеть себя такими, какие мы есть, чтобы увидеть, что толкает нас уже второй раз в XX веке в пучину мазохизма, самоистязания" (3).

Казалось бы, нет более благоприятной темы для извлечения жизненных уроков как сталинизм. Однако именно эта проблема наталкивает на мысль, а точнее на убеждение в живучести авторитарного сознания. Сошлемся на описание стереотипа авторитарного сознания, приводимого В.Гроссманом: "Все попытки замолвить словцо о причастии Сталина к созданию Советского государства ничего не дали. Мои собеседники не хотели присвоить ему и кванта заслуг в строительстве тяжелых и сверхтяжелых заводов, в руководстве войной, в создании советского государственного устройства. Все совершилось вопреки ему, несмотря на него. Их необъективность была столь очевидна, что породила невольное желание вступить за Сталина.

Эта абсолютная необъективность могла быть сравнима лишь с той необъективностью, что, вероятно, проявляли эти же люди при жизни Сталина, в абсолютных формах обожествляя его ум, волю, предвидение, гений. Думаю, что истерия обожествления Сталина, так же как полное и безоговорочное оплевывание его, возникли на одной почве" (4).

Но советский режим, как социально-генетическая болезнь, затронул не только состояние общественного сознания, но и непосредственно его носителя — человека. Ученые, медики, педагоги, деятели культуры уже давно бьют тревогу по поводу состояния генофонда страны. Необходимо заметить, что пальма первенства в рассмотрении этого вопроса принадлежит далеко не им. Еще П.А.Сорокин обратил внимание на состояние генофонда после-революционной России. Анализируя период русской истории с 1914 по 1922 г., Сорокин выделил ряд "независимых переменных" — война, голод, революция, которые определяли весь строй новейшей отечественной истории, прежде всего демографические изменения или так называемую "отрицательную селекцию". Войны и революции всегда были "орудием отрицательной селекции, производящей отбор "шиворот-навыворот", т.е. убивающей лучшие элементы населения и оставляющей жить и плодить худшие, т.е. людей второго и третьего сорта. И в данном случае у нас погибли преимущественно элементы: а) наиболее здоровые биологически; б) трудоспособные энергетически; в) более волевые, одаренные, морально и умственно развитые психологически" (5).

По расчетам П.А.Сорокина, если общий процент уменьшения населения за этот период составил 13%, то возрастные слои от 15 до 60 лет уменьшились уже на 22%, а мужская часть этих возрастов — на 28%. В 1914 г. на 1000 мужчин приходилось 1038 женщин, в 1922 г. — 1250. Население европейской России потеряло в войне почти $\frac{1}{7}$ часть населения, население азиатской России — только $\frac{1}{30}$. "В течение гражданской войны слой умственно квалифицированных лиц поредел катастрофически. 30–40 тысяч — вот минимальная цифра гибели людей этого рода, т.е. их погибло в 6–7 раз больше, чем рядовой, умственно неквалифицированной массы... "Мозг и совесть" страны вымерла в колоссальном размере и продолжает вымирать..." — таков вывод П.А.Сорокина (6).

Это еще только 1922 г., а впереди — коллективизация, связанная со "всемирным" переселением народа, репрессии и застенки лагерей, Отечественная война (1941–1945) с многомиллионными жертвами, экологические бедствия. Посмотрим на все эти процессы более внимательно, с цифрами и фактами в руках. Основная задача этой статьи — показать, хотя бы в некотором приближении, основную и наиболее невосполнимую пагубность сталинизма, которая проявляется в качественных потерях населения страны, в изменении генофонда нации. Это самое страшное его наследие.

Наиболее подробные расчеты потерь в первые годы советской власти по переписи населения 1920 г. произвел один из выдающихся обществоведов России, статистик, историк, экономист и социолог академик С.Г. Струмилин (7). Его расчеты показали, что особенно сильно от гражданской войны пострадали наиболее ценные группы трудоспособного населения. Общий итог всех потерь, по его расчетам, составил 21 млн. человек из 154 млн.,

или 13,6%. Но для трудоспособных возрастов от 16 до 49 лет этот процент поднимается до 20%, а для мужчин рабочего возраста — даже до 29%. Если учитывать только потери убитыми и безвременно умершими от эпидемий военного времени в самом цветущем рабочем возрасте, то, по мнению Струмилина, получаем следующие итоги к концу 1920 г. (см.: табл.1):

Таблица 1

Оценка потерь населения России в 1917-1920 гг. (млн. человек)

В возрасте 16-49 лет	Мужчины	Женщины	Итого
по исчислению должно быть	35.6	35.7	71.3
по переписи оказалось	25.3	31.7	57.0
Дефицит	10.3	4.0	14.3

6 Уже значительно позже известный историк Ю.А.Поляков, опираясь на данные С.Г.Струмилина и дополнительные источники, назвал цифру потерь за период с 1914 по 1922 г., с учетом несостоявшихся рождений и эмиграций — в 25 млн. человек (8). В новейших же государственных статистических изданиях, в которых содержатся скорректированные пересчеты численности населения по годам, приводятся следующие показатели: все население СССР в границах 1945 — 1991 гг. составило: в 1913 г. 159,2 млн. человек, а в 1922 г. 136,1 млн. человек, т.е. потери превосходили 23 млн. человек (9). Еще одна “любопытная” статистическая информация. Убыль населения во время гражданской войны в Испании (1936—1939) составила 1,8%, а в бывшей Российской империи за период 1918 — 1922 гг. — 22,3—23,3% (10).

Все приведенные выше цифры потерь достаточно близки между собой, что позволяет с высокой долей вероятности оценить потери в годы гражданской войны порядка 23 млн. человек. Сюда же необходимо отнести и, по одним данным, 1,5 — 2 млн., по другим — больше эмигрировавших, среди которых виднейшие представители русской культуры и науки, те, кого обычно называют цветом нации. Насколько эти потери огромны для генофонда нации можно только догадываться, но тот факт, что для заполнения духовного вакуума после краха существовавших идейных основ устройства общества приходится возвращаться именно к идеям Н. Бердяева, С. Франка, П. Сорокина, в общем тех, кого в 1922 г. большевики изгнали из страны, говорит о качественной стороне этих потерь.

К благополучным годам, с точки зрения естественного воспроизводства генофонда, можно отнести годы с 1922 по 1928 включительно. В 1922 г. численность населения составила 136,1 млн. человек, в 1928 г. — 147 млн. (11). Но с 1929 г. началась национальная трагедия, связанная непосредственно со сталинизмом: ликвидация крестьянства и превращение его в закрепощенных и бесправных работников, и, что достаточно широко известно во всем мире как красный террор — убийства по политическим мотивам, пик которых пришелся на середину тридцатых годов. Рассмотрим подробнее имеющиеся данные по истреблению генофонда нации.

Огромные потери самой трудолюбивой, энергичной, активной группы населения понесла наша страна в годы коллективизации. В “Правде”

В.Данилов и Н.Тепцов называют цифру 1 100 тысяч раскулаченных хозяйств (12). Если эту цифру умножить на число членов семей. (а семьи тогда были немалые), да учесть хотя бы 3 — 4 млн. человек, погибших от голода, то можно с определенной долей условности утверждать, что прямые и косвенные потери (умерло от голода, погибло в ходе коллективизации, потери от снижения рождаемости) составили 10–13 млн. человек.

Интересны расчеты одного из наиболее серьезных ученых, работающих в этой области, С. Максудова, который занимается оценкой потерь народонаселения СССР в результате различного рода репрессий с начала 20-х гг. Он считает, что за годы коллективизации потери составили 9,8 млн. человек (13). Это не только число репрессированных. Сюда включаются скончавшиеся от голода, эпидемий, недостаточной медицинской помощи, а главное, общего ухудшения условий жизни в стране в результате социальных преобразований, называвшихся “коллективизацией” и “индустриализацией” и означавших раскулачивание, террор и закрепощение жителей города и села. Вот какие данные приводит С. Максудов (14) в составленной им таблице (см.табл.2):

Таблица 2

Изменение численности населения в 1927–1938 гг.
(в границах 1926 г. в млн. человек)

	Мужское население	Женское население	Оба пола
Численность 1 января 1927 г.	71.0	76.0	147.0
Численность 31 декабря 1938 г.	81.6	89.0	170.6
Родилось	36.6	35.0	71.6
Убыло	26.0	22.0	48.0
“Естественная убыль”	20.1	18.1	38.2
“Повышенная убыль”	5.9	3.9	9.8
Повышенная убыль поколения рождения до 1927 г.	3.8	1.9	5.7

Максимальная ошибка: плюс — минус три миллиона, которая по мнению автора маловероятна. Значительную долю потерь вызвали голод 1933 г. и репрессии периода уничтожения кулака “как класса”. Показательно, что наказание не следовало за преступлением, а отмечало принадлежность человека к некоторой категории, которую считалось необходимым подвергнуть репрессиям. Репрессии принимали форму эпидемии, от которой не застрахован никто.

Чекист М. Лацис (1888–1938) в своей статье “Красный террор” писал следующее: “Мы не ведем войны против отдельных лиц, мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательства того, что обвиняемый действовал словом или делом против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысл и сущность красного террора” (15).

Нельзя пройти и мимо такого факта: в конце 1920-х гг. (до и в начале коллективизации), по данным советских специалистов, более 200 тысяч тех, кто ждал раскулачивания или уже был раскулачен, правдами и неправдами переместились в города. Это были наиболее сильные, жизнеспособные, наиболее подготовленные к превратностям жизни, цепкие слои деревни. 200 с лишним тысяч активных людей растворились в городах и заняли, в силу своих особых человеческих возможностей, более или менее выгодные для них позиции. Энергичные, предприимчивые, они стали опорой складывающегося режима, хотя, разумеется, многие из них до конца жизни находились в скрытой оппозиции к новому строю.

Большинство раскулаченных в период коллективизации были обречены на высылку в отдаленные места — спецпоселения. Иначе это называлось “кулацкой ссылкой”. В справке Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ под названием “Сведения о выселенном кулачестве в 1930–1931 гг.” указывалось, что в этот период было выселено (с отправкой на спецпереселение) 381 026 семей, общей численностью 1 803 392 человека (16). Численность спецпереселенцев была значительно ниже количества отправленных туда, так как огромное число умирало во время транспортировки и первые годы жизни на спецпоселении.

Во время Отечественной войны (1941–1945) и в первый год после нее на спецпоселения были отправлены целые народы: немцы, калмыки, чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, крымские татары, болгары, греки, армяне. К январю 1953 г. численность спецпоселенцев достигла максимальной величины — 2 753 356 человек. С этого момента начинается процесс массового освобождения со спецпоселения. Первыми “дождались своего часа” кулаки, выселенные в 1929–1933 гг., и лица немецкой национальности, которые проживали в местах спецпоселений и были взяты на учет по месту своего жительства. К одной из гримас истории можно отнести тот факт, что вслед за “бывшими кулаками”, которые уже достаточно прочно обосновались в местах их проживания, ограничения были сняты с членов КПСС, кандидатов в члены КПСС и членов их семей. Массовое освобождение со спецпоселений продолжалось в течение четырех лет и к 1 января 1959 г. количество спецпоселенцев составило 221 408 человек. Процесс освобождения спецпоселенцев характеризовался тремя существенными моментами, которые оказывают влияние и на современную общественно-политическую ситуацию в обществе.

Первое. Существующая практика выселения людей не подвергалась критике, а рассматривалась как важнейшее необходимое политическое мероприятие. Ни о какой политической реабилитации речь не шла.

Второе. Освобожденные спецпоселенцы не могли вернуться на свои прежние места жительства.

Третье. Они не могли требовать компенсаций за утраченное имущество.

Такое половинчатое решение вопроса с поселенцами породило в настоящее время очаги социальной и межнациональной напряженности с чеченцами, крымскими татарами, немцами и другими репрессированными народами.

Коллективизация, связанная с широким процессом выселения кулацких семей, создавала питательную почву для использования на стройках-гиган-

тах дешевого принудительного труда. Каковы были масштабы применения принудительного труда в 1930-е гг.? На 1 мая 1930 г. в ведении НКВД РСФСР находилось 279 исправительно-трудовых учреждений с 171251 заключенным, в лагерях ОГПУ — около 100 тыс. В 1930 г. было организовано Управление лагерями ОГПУ, с 1931 г. ставшее Главным управлением лагерей (ГУЛАГ). На 1 марта 1940 г., по официальным данным, ГУЛАГ состоял из 53 лагерей, 425 исправительно-трудовых колоний (ИТК), 50 колоний несовершеннолетних: всего — 1 668 200 заключенных (см.: табл.3).

Таблица 3

Динамика численности заключенных в лагерях НКВД за 1930—1941 гг.

Годы	На 1 января	В среднем за год
1930	179000	190000
1931	212000	245000
1932	268760	271000
1933	334300	456000
1934	510307	620000
1935	725483	794000
1936	836406	836000
1937	820881	994000
1938	996367	1313000
1939	1317195	1340000
1940	1344408	1400000
1941	1500524	1560000

9

Существуют интересные воспоминания и о работниках ГУЛАГа. Бывший заключенный Л.Трус так описывает психологию работника ГУЛАГа: “Конечно, труд заключенных был рабским. Можно бы сказать, что ГУЛАГ превратился в своего рода заповедник рабского труда. Но он не заповедник. Его изолированность от внешнего мира — мнимая, кажущаяся. Порожденная рабским трудом психология, как зараза, расползлась из лагеря по всей стране. А может, наоборот, в них концентрировалось все столетия копившееся на Руси рабство? Возникло обширное поле рабской психологии с размытыми границами. ...Рабская психология срастается с уголовной и образует устойчивый комплекс крепче фрейдистского. Ведущая черта “комплекса ГУЛАГа” — отвращение к труду (и у зеков, и у вольных). Не менее важная черта — бесхозяйственность как норма существования. Да и откуда взяться хозяйственности, если в основе лагерной экономики лежит расточительство — жизни, времени (рабочего и всякого), квалификации, труда, а уж про его продукты и говорить не приходится” (18).

Раскулачивание — далеко не единственный пример социального насилия, которое несомненно сказалось на генофонде страны. В памяти народа

свой кровавый след оставил “тридцать седьмой год”, а точнее, кровавый террор середины 30-х годов. На этот раз удар наносился преимущественно по более образованным, политически и профессионально более развитым слоям города. Репрессиям в 1934–1939 гг. подвергались, в первую очередь, партийные, советские, комсомольские работники, хозяйственники, офицерский и дипломатический корпус, вообще старые члены партии, научная и творческая интеллигенция. Вероятно, в данном случае репрессии были направлены против тех, кто мог хоть в какой-то мере выступать против сложившегося режима личной власти, тоталитарной системы.

Очень сложным представляется вопрос о количестве репрессированных в эти годы. Д.А.Волкогонов, суммируя доступные ему документальные данные, приходит к выводу, что только в 1937–1939 гг. было репрессировано 3,5 — 4 млн. человек (19). Л.А.Гордон, Э.В.Клопов в упоминаемой нами работе предлагают для расчета использовать итоги расследования, проведенного в одном из мест массовых расстрелов 1937–1941 гг. — урочище Куропаты под Минском (20). В основу их рассуждений положена гипотеза о равномерной интенсивности террора на всей территории страны. И если посчитать количество расстрелянных в отношении к количеству проживающих на ограниченной территории и распространить полученный процент на территорию всей страны, то можно получить некоторый итог политических репрессий. Для реализации этой идеи авторы взяли урочище Куропаты, где были расстреляны жители Белоруссии и некоторых районов Прибалтики.

Изучение братских могил, осуществленное археологом З.Позняком, позволяет утверждать, что в Куропатах за 1937–1941 гг. было расстреляно от 100 тыс. человек, по минимальным, до 300 тыс. по максимальным оценкам, что составило по грубому подсчету, 1–2% населения этого региона (так у Л.Гордона и Э.Клопова, хотя логичнее было бы назвать 1–3% населения). Распространяя этот показатель на всю страну, авторы предполагают, что политический террор второй половины 1930 — начала 1940-х гг. стоил жизни 2–4 млн. людей (по-видимому, все же 2–6 млн.), что близко к расчетам Д.Волкогонова.

В.Шубкин считает, что более надежно учесть данные демографов о разнице между потенциальной и реальной численностью населения в 1939 г., когда состоялась Всесоюзная перепись населения. Предыдущая же, полностью опубликованная по своим итогам перепись была проведена в 1926 г. К 1989 г., когда В.Шубкин написал свою статью, можно было опереться лишь на мнение западных и эмигрантских авторов. Наш социолог с доверием воспринял данные американских демографов Барбары А. Андерсон и Брайана Сильвера из их работы “Демографические исследования и катастрофы населения в СССР”, которые утверждали, что дефицит населения в период с 1926 по 1939 гг. составил от 16 до 26 млн. человек (21).

Роберт Конквест в своей известной книге “Большой террор” приводит следующие данные (22). В тюрьмах и лагерях на январь 1937 г. находилось около 5 млн. человек. За два года (1937–1938) тюрьмы и лагеря пополнились еще 7 млн. человек. За это же время было расстреляно около 1 млн. человек и умерло в заключении около 2 миллионов. В ряде лагерей третья часть заключенных погибала в течение первого года. По оценкам Р.Конквеста, в 1933 г. смертность в лагерях составляла 10%, а к 1938 г. возросла до 20%. По его

же мнению, в период с 1938 по 1950 г погибло 12 млн. человек, и к ним нужно прибавить еще, по крайней мере, 1 млн. расстрелянных. Террор в основном коснулся мужчин в возрасте от 30 до 50 лет, и в большинстве это были наиболее активные, все помнящие и понимающие люди, лучшая часть народа.

Наряду с приведенными выше расчетами стоит принять во внимание реконструктивные исчисления историка и сына жертвы сталинского террора А. Антонова—Овсеенко. По его мнению, с 1935 по 1940 гг. через Органы прошло 18 840 000 человек. Из них 7 млн. было расстреляно в тюрьмах. Остальные в основном погибли в лагерях. Таким образом получается, что жертвой террора пала четверть взрослого населения страны (без стариков и детей). Он считает, что суммарные потери выглядят так: годы войны и голода (1918—1922 гг.) — 16 млн., коллективизация и голод 1930—1932 гг. — 22 млн., террор 1935—1940 гг. — 19 млн. (23).

Своеобразной конкретизацией выше приведенных цифр может служить выдержка из письма председателя Совета хутора Сетраки Ростовской обл. Брехова Л.С., которое опубликовано в сборнике документальных материалов историко—просветительного общества “Мемориал”: “Зажиточно жили сетраковцы. В хуторе было 513 дворов с населением до 3—х тысяч человек. Особенно поднялось материальное состояние крестьян до коллективизации. Страшные перегибы в период коллективизации. Резко сократилось производство сельскохозяйственной продукции. Свыше 2—х тысяч голов волов, до 3—х тысяч голов лошадей было обобществлено и размещено в десяти бригадах двух колхозов, организованных в Сетраках. Начался большой падеж скота, народ начал возмущаться, местные власти приняли меры. За 1929 — 1930 годы было репрессировано до 100 человек лучшей трудовой прослойки населения.

В 1930 — 1932 годах в Сетраках раскулачили и выслали в Сибирь 180 семей, в которых насчитывалось четыреста шестьдесят человек. Их дома разорили и вывезли в районный центр. Сорок человек возвратились на родину, а судьба остальных неизвестна.

Голод 1933 года унес свыше 200 жизней хуторян—сетраковцев.

1934 — 1937 годы. Начали сглаживаться в людской памяти страшные годы, а во второй половине 1937 года на хутор обрушилась новая беда — 82 мужчины в возрасте 35 — 43 лет были взяты в “ежовые рукавицы”, через 10 лет вернулись 4 человека, а остальные 78 стали жертвами “великого террора”. 1200 насильственно отобранных жизней в одном хуторе”. А в страшной Отечественной войне погибло “лишь” 176 человек. Такова статистика сталинизма” (24).

Даже немыслимо представить себе страну и эпоху, когда на многие миллионы человеческих жертв разнятся оценки учеными потерь великой нации в нынешний XX в., в стране, числившей себя социалистической, защитницей идеалов свободы и справедливости.

Недавно опубликованы уточненные данные переписей населения 1926, 1937 и 1939 гг. (25). Это позволило предпринять самостоятельную попытку расчета потерь населения страны в 1926 — 1939 гг., связанных с коллективизацией, голодом и прямым политическим террором. (Наши расчеты сведены в табл.4.) Итог выражается в убийственной цифре потерь в мирные, вполне

благополучные годы (без войн, эпидемий и т.д.) — 22,08 млн. человек. Эта цифра скорее занижена. Мы сознательно занизили потенциальный прирост, не в полной мере учтя резкое увеличение числа женщин в фертильном возрасте за период с 1927 по 1939 гг. (почти вдвое). Ведь, с другой стороны, высокие темпы урбанизации и индустриализации, вне сталинистской формы их проведения, сами по себе должны были бы привести к определенному снижению естественного прироста. Как итог, мы и приняли свои умеренные показатели потенциального прироста численности.

Рассматривая этот результат как гипотетический, необходимо отметить, что наши (как и других авторов) расчеты можно, пожалуй, отнести к категории экспертных оценок, опирающихся на демографические данные. Начиная с 1929 г. в числителе каждой клетки таблицы приведены данные реального состояния демографического движения населения за соответствующий год, а в знаменателе — данные потенциальных изменений при нормальном воспроизводстве.

Таблица 4

Оценка численности и естественного движения населения СССР
в 1927–1939 гг. (тыс. человек)

Годы	Численность населения на начало года	Число родившихся	Число умерших	Естественный прирост рождаемости	Общий коэффициент рождаемости	Общий коэффициент смертности	Общий коэффициент естественного прироста
1927	148656	6950	3948	2665	46.3	26.5	19.7
1928	151622	6944	3878	3066	45.3	25.3	20.0
1929	154687/ 154687	6876/ 7022	4132/ 3897	2745/ 3125	44.1/ 45.4	26.5/ 25.2	17.6/ 20.2
1930	157432/ 157812	6694/ 7180	4284/ 3961	2410/ 3219	42.2/ 45.5	27.0/ 25.1	15.2/ 20.4
1931	159841/ 161031	6510/ 7343	4501/ 4025	2009/ 3318	40.5/ 45.6	28.0/ 25.0	12.5/ 20.6
1932	161851/ 164349	5837/ 7511	4786/ 4092	1051/ 3419	35.9/ 45.7	29.5/ 24.9	6.5/ 20.8
1933	162902/ 167769	5545/ 7701	11450/ 4161	-5905/ 3540	34.7/ 45.8	71.6/ 24.8	-36.9/ 21.0
1934	156797/ 171309	4780/ 7863	3410/ 4231	1369/ 3632	30.4/ 49.5	21.7/ 24.7	8.7/ 21.2
1935	158167/ 174941	5249/ 8047	3282/ 4304	1967/ 3743	33.0/ 46.0	20.6/ 24.6	12.4/ 21.4
1936	160134/ 178684	5589/ 8237	3223/ 4378	2366/ 3859	34.6/ 46.1	20.0/ 24.5	14.7/ 21.6
1937	162500/ 182543	6549/ 8433	3557/ 4454	2992/ 3979	39.9/ 46.2	21.7/ 24.4	18.2/ 21.8

Годы	Численность населения на начало года	Число родившихся	Число умерших	Естественный прирост рождаемости	Общий коэффициент рождаемости	Общий коэффициент смертности	Общий коэффициент естественного прироста
1938	165492/	6516/	3483/	3033/	39.0/	20.9/	18.2/
	186522	8617	4532	4085	46.2	24.3	21.9
1939	168523/						
	190607						

К такому типу исследований можно отнести и работу популярного в эмигрантских кругах И.Курганова (на него, в частности, ссылается А.Солженицын в книге "Бодался теленок с дубом"). Автор утверждает, что прирост населения России в начале XX в. — 1,7% в год может рассматриваться в качестве нормы для периода 1918—1953 гг. Численность населения России в 1917 г. в границах до сентября 1939 г. — 143,5 млн. человек. Естественный прирост населения за 1918 — 1939 гг. должен был бы составить 64,4 млн. (по коэффициенту 1,7, принятому за основу демографических расчетов). Механический прирост населения за 1940 — 1958 гг. в современных границах должен был бы составить 91,5 млн. человек. Следовательно, общая численность населения к январю 1959 г. должна была бы достигнуть 319,5 млн.чел. В действительности же по переписи населения 1959 г. оказалось 208,8 млн.чел. Общие потери населения с 1918 по 1958 г. включительно составили 110,7 млн. человек (26).

Можно ли сопоставить, соизмерить приведенные выше различные оценки — расчеты? Формально, да, можно. Однако, это было бы слишком сильным утверждением. Думаем, что наша собственная оценка потерь конца 1920-х — 1930-х гг. (22 млн. человек) плюс довольно устойчивая (у разных авторов) оценка потерь 1918 — 1922 гг. (23 млн. человек) является по итогу (45 млн. человек) минимальной расчетной оценкой потерь этих периодов, а оценки И.Курганова (64,4 млн.) и А.Антонова—Овсеенко (57,7 млн.) — максимальными.

Однако представляется спорным, что когда-то удастся получить однозначную, достоверную и достаточно точную цифру. Как считает один из тех, кто прошел застенки лагерей ГУЛАГа и занимался там учетом на самом низшем, первичном уровне, практически невозможно достаточно точно подсчитать количество человеческих потерь в период кровавых репрессий в связи с из рук вон плохо поставленной отчетностью именно на этом нижнем уровне. Зная характер советского человека и его патологическую нелюбовь к счету, можно предположить, что такая оценка отчетности вероятнее всего соответствует истине.

Не менее сложна с точки зрения определения людских потерь и трагична Великая Отечественная война (1941—1945 гг.). Точно ответить на поставленный вопрос не позволяет также отсутствие достоверной информации. Предварительные оценки стали появляться уже в конце войны. В Советском Союзе первой была оценка, названная Сталиным в беседе с корреспондентом "Правды" в 1946 г. Он утверждал, что "в результате немецкого

вторжения Советский Союз потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую каторгу около 7 млн. советских человек” (27). Однако эта цифра сразу вызвала недоверие. Американский социолог Н.Тимашев уже в 1948 г. утверждал, что страна потеряла в ходе войны 25,3 млн. погибшими, 1,3 млн. человек эмигрировали, а дефицит рождаемости составил 10,9 млн. То есть прямые и косвенные потери населения страны, по его мнению, составили 37,5 млн. человек” (28).

В последние годы возрос интерес к исторической правде, в том числе и о войне 1941 — 1945 гг. Появился ряд публикаций, где демографы и статистики рассчитывают потери населения в войне. Их несколько, мы назовем лишь три: статьи А.Я.Кваши (29), Е.Андреева, Л.Дарского, Т.Харьковой (30). В этих статьях изложены не только итоги, но и методика расчетов. Последняя работа в этой области — монография Б.Соколова (31). В нашу задачу не входит обсуждение примененных авторами методов расчетов. Поэтому отметим главное: исчисления авторов совпадают по своим мрачным итогам; с точки зрения современных исследователей, прямые потери в Великой Отечественной войне составили примерно 26–27 млн. человек, а более точно — 26,6 млн. В общем объеме людских потерь более 73%, или 19 млн., приходится на мужчин. Наиболее пострадали поколения родившихся в 1901 — 1913 гг. — из общей величины потерь на их долю приходится более 64% , или 16,7 млн. человек (32).

Сложно оценить количественные потери, но еще сложнее даже представить качество этих потерь. Прав, конечно, В.Шубкин, который отмечает, что “в эмиграцию вышвырнули выдающихся представителей интеллигенции, что в годы коллективизации погибли самые работающие мужики, их семьи, а в конце 30-х годов — наиболее активные интеллигенты, рабочие, да и крестьяне тоже. Что же касается войны, то здесь погиб цвет нашего народа, самые молодые, жизнеспособные его представители” (33).

Из 30 членов Конституционной комиссии, готовившей новую Конституцию 1936 г., 16 были расстреляны в период 1937–1940 гг., в том числе Н.И.Бухарин и К.Радек — авторы основного проекта Конституции, В.Я.Чубарь — член Политбюро ЦК партии, заместитель Председателя СНК СССР, много лет проработавший на Украине, А.С.Енукидзе — секретарь Президиума ЦИК СССР (до 1935 года), И.С.Уншлихт — секретарь Союзного Совета ЦИК СССР, Д.Е.Сулимов — Председатель СНК РСФСР, Н.М.Голодед — Председатель СНК Беларуссии, Г.Мусабеков — Председатель СНК Закавказской Федерации (до 1936 года) и другие видные партийно-государственные деятели. (34).

Вот как характеризует потери среди военных в период сталинских репрессий Д.А.Волкогонов: “За всю войну мы потеряли около 600 генералов (убитые, умершие от ран, пропавшие без вести и др.). А Сталин в 1937–1939-м уничтожил почти в три раза больше военных из высшего командного состава (генеральские звания были введены в 1940 году). Всего в армии было репрессировано 43 тысячи человек командного и политического состава (уничтоженных и брошенных в лагерь)... Это были люди, как

правило, сорокалетнего возраста, прошедшие гражданскую войну, награжденные орденами, — цвет армии” (35).

Шубкину вторит уже не социолог, а биолог, который в одной из немногих статей, специально посвященных проблемам генофонда страны, пишет: “Первыми жертвами произвола стали люди с независимым мышлением. Чудовищно близоруким было уничтожение ”буржуазных” специалистов , принудительная эмиграция ученых, писателей, художников. Тяжелейший удар приняло на себя крестьянство, наиболее многочисленная часть российской элиты. Сейчас уже ясно: “раскулачиванию” подверглись как раз те, кто кормил Россию.

Иными словами, происходившее в нашей стране в отдельные годы вполне можно рассматривать как геноцид. В целом же уничтожение элиты российского общества, начавшееся в 1918 году, я назвал бы противоестественным отбором. Он не прекратил свое действие ни в 1953 (а если и прерывался, то всего на несколько лет), ни в 1985 году. Массовая эмиграция — отъезд из СССР сотен тысяч людей — продолжается. Только в 1989 году нашу страну покинули со своими семьями 70 тыс. научных работников” (36).

Однако для качественной оценки генетической катастрофы можно использовать некоторые косвенные показатели. В частности, одним из таких показателей выступает уровень здоровья нации, продолжительность жизни населения, рождаемость. Наглядной иллюстрацией справедливости вывода о кризисном состоянии генофонда страны служат некоторые сравнительные данные по охране здоровья населения СССР и США (37) (см.табл.5,6).

Таблица 5

Сравнительные данные по охране здоровья населения СССР и США

Показатели	СССР	США
Средняя продолжительность жизни (лет)	70	75
Материнская смертность (умерших матерей на 100 тыс.родивших живыми)	47.7	8.0
Младенческая смертность (умерших до 1 года на 1000 родившихся)	24.7	10.0
Число населения,занимающегося физкультурой (в %)	6-8	60
Численность врачей на 10 тыс. населения	43.3	25.7
Число больничных коек на 10 тыс. населения	130.6	54.5
Расходы на медицину (медицинские услуги),млрд. рублей (долларов) в год	25.3	458
Доля госбюджета (валового национального продукта),выделяемого на здравоохранение	4.5	10.0
Затраты на медицинское обслуживание одного человека в год (рублей,долларов)	80	1772

Некоторые сравнительные данные заболеваемости в СССР и США (случаев на 100 тыс. населения)

Заболевания	СССР (1987)	США (1984)	СССР США
Брюшной тиф	3.2	0.16	+20.0
Бактериальная дизентерия	197.4	473.5	+2.7
Вирусный гепатит в том числе сывороточный	304.6	133.2	+2.3
Корь	67.4	1.1	+61.3
Коклюш	7.2	0.96	+7.5
Менингококковая инфекция	5.4	1.16	+4.7
Малярия	0.56	0.42	+1.2
Туберкулез	44.0	9.4	+4.7
Гонорея	59.8	372.0	-6.2
Сифилис	5.6	12.2	-2.2

Вызывает особое опасение состояние здоровья подрастающего поколения. «По данным обследования, абсолютно здоровые школьники составляют не более 20%, а в старших классах — 14%. В несколько раз возросло число врожденных уродов. Возрастает число случаев спонтанного сокращения беременности. Генофонд страны находится в опасности...» — это выдержка из конфиденциального доклада, направленного М.Горбачеву 1 февраля 1991 г. (38).

В последние годы повысился интерес со стороны ученых к исследованию состояния генофонда населения России. Результаты специальных исследований однозначно показывают, что генофонд ослаблен у 80% людей, живущих в России. Особенно тревожное положение сложилось в Поволжье, на Урале, на Дальнем Востоке, где обследование велось на крупных промышленных предприятиях с численностью работающих 1000 человек и более. Психологически и соматически здоровыми можно признать от 0 до 8%. В Оренбурге, например, их менее 1%. Если в 1960-е гг. рождалось около 40% детей с различными нарушениями, то сейчас — почти 90% (39).

Происходит и резкое сокращение рождаемости вообще. Вот, например, самые последние данные по одной из областей России. По данным статистики Ярославской обл., число умерших за 9 месяцев 1991 г. почти на 4 тысячи человек превысило число родившихся. Общий коэффициент рождаемости снизился на 7%, а коэффициент смертности, напротив, возрос на полтора процента. Одновременно браков зарегистрировано на 6% меньше, а разводов на 5% больше (40). Все это означает, что через одно-два поколения начнется необратимый процесс вырождения нации. Таковы последствия деградации населения, идущей десятилетиями.

Важнейшим показателем состояния генофонда и его изменения является его интеллектуальная наполняемость. В этой связи закономерен вопрос:

повлиял ли сталинский геноцид на интеллектуальное состояние общества? Уже те данные людских потерь, которые приводились выше, позволяют однозначно утвердительно ответить на этот вопрос, однако, количественно оценить интеллектуальные потери практически невозможно. Но представить хоть в какой-то мере масштабы этих потерь можно. Например, по результатам хронологического анализа динамики изобретательской деятельности.

После принятия в 1924 г. Закона о патентах на изобретение количество выданных документов (по сравнению с 1917 г.) выросло в 2,5 раза и продолжало расти, достигнув своего максимума в 1928 г. Здесь нет необходимости напоминать, какая атмосфера сложилась к тому времени в обществе. Эта атмосфера, несомненно, отразилась и на изобретательской деятельности, как одного из видов интеллектуальной: наступает состояние, которое можно обозначить как застойное. Агония продолжается до 1936 г., затем последовала катастрофа. С 1937 по 1940 г. число заявок упало в 8 раз. Как это не связать с террором, который развернулся в обществе. В дальнейшем были всплески творческой активности и падения, однако, такого ярко выраженного падения, как это было в конце 1930-х гг. не наблюдается. Даже в годы войны наблюдается некоторый рост этого показателя (41).

А вот данные еще одного исследования, которое велось там, где сталинские репрессии были наиболее сильны: Украина, Северный Кавказ, Центральная Россия. Там умственная отсталость встречается у 10% детей. В районных центрах это составило 3%, в окружающих селах доходило до 20%, а в некоторых случаях до 80%. В украинских Карпатах, где репрессий по отношению к крестьянам практически не было, и сохранились старообрядческие общины, умственная отсталость среди детей встречается в пять-шесть раз реже. Раскулачивание в Карпатах проходило в гораздо более мягких формах, чем в 1930-е гг. в России, и легко было наблюдать, что именно "кулацкие" семьи дали наиболее одаренных людей, значительную часть украинской интеллигенции (42).

Косвенно о состоянии генофонда можно судить и по духовно-нравственной атмосфере в обществе, а для нее характерна агрессивность, озлобленность, что создает опасную для жизни людей криминальную обстановку в обществе. Только в Москве по статистике на 1990 г. зарегистрировано почти полторы тысячи без вести пропавших. Среди них несовершеннолетних 462 человека, найдены лишь только 440. Всего в России в 1991 г. зарегистрировано более 60 тысяч без вести пропавших. Не найден каждый пятый. Как сообщил бывший председатель бывшего комитета при Президенте СССР по координации органов правоохранительной деятельности народный депутат СССР Ю.Голик, в стране ежедневно "пропадает" 200 человек. До 80% "исчезновений" — криминальные, т.е. попросту убийства (43).

К этому можно добавить бывшие еще недавно секретными данные Министерства юстиции СССР о применении смертной казни в СССР. Они свидетельствуют, что с 1962 по 1989 г. в СССР было казнено 21025 человек, то есть около 750 человек ежегодно. За последние годы эти данные

составляли: 1985 — 750 чел., 1986 — 485 чел., 1987 — 297 чел., 1988 — 299 чел., 1989 — 253 чел., 1990 — 166 чел. После 1985 г., при некотором снижении уголовных репрессий, СССР по числу смертных приговоров занимал первое место в мире, далеко “обогнав” все другие страны, включая даже страны с самыми реакционными и фашистскими режимами. По данным “Международной амнистии”, в странах, по числу казней занимающих 2–5 место (соответственно, Ирак, ЮАР, Китай, Нигерия), число смертных приговоров в 2–3 раза меньше. За 17 лет пиночетовского режима в Чили было казнено 2279 человек — цифра, которая потрясла общественность страны. За этот же период “развитого социализма” в СССР было казнено свыше 12 000 человек. При уровне преступности в США на порядок выше, чем в бывшем СССР, число смертных казней в 22 раза ниже (44).

Физическое уничтожение лучших представителей нации в период сталинских репрессий дополнялось системой социальной селекции. Социальная мобильность в обществе, построенном на определенных идеологических принципах, приняла форму антиотбора, когда по социальной лестнице поднимались по принципу личной преданности вождям.

18

Какой же вывод следует из анализа процесса физического уничтожения лучших представителей нации и одновременно шедшей селекции? В качестве вывода может быть предложено заключение о том, что одной из главных причин нынешнего катастрофического положения в обществе выступает низкий интеллектуальный и культурный уровень всех субъектов социального творчества. Это касается и представителей элит, руководителей различного уровня и всего населения общества в целом. Низкий уровень интеллектуального обеспечения связан с состоянием генофонда общества, прошедшего через три революции, две войны и сталинские казематы, а также и с существующей практически до сих пор системой социальной мобильности, которая в основу социальной подвижности кладет не принцип профессионализма, интеллектуальные приоритеты, а угодничество, чиновничество. Можно сказать, что сложилось медитократическое общество, где власть принадлежит людям со средними интеллектуальными возможностями, что не позволяет ей вести общество за собой. “Власть прозевала” — писал 23 июня 1941 г. академик В.И.Вернадский. Нечто подобное продолжает повторяться, что свидетельствует об утрате властвующими структурами способности оценивать действительность. Не прошли бесследно эти процессы мимо “простого” народа. В обществе практически полностью утрачен социальный иммунитет, способность отстаивать свою жизнь, честь, достоинство, право, противостоять произволу.

Такое социально-генетическое наследие “досталось” обществу 1990-х гг., обществу, которое вступило в новую стадию своего развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Зеркало мнений. Результаты социологического опроса населения России (Линейное распределение ответов). М., 1992.

2. Заславская Т.И. Это какое-то нервное истощение // Комсомольская правда. 30 октября 1990.

3. Ципко А. А мы идем другим путем? // Комсомольская правда. 7 ноября 1991.
4. Гроссман В. Добро Вам! // Знамя. 1988. N 11. С.7.
5. Сорокин П.А. Современное состояние России. Прага, 1922// "Новый мир. 1992 N 4. С.185-186, 188-189.
6. Там же.
7. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М.,1957. С.39.
8. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986.
9. Население СССР. 1987. Статистический сборник. М., 1988. С.8.
10. Тополянский В. Цена гражданской...// Независимая газета. 27 августа 1991.
11. Население СССР. 1987. Статистический сборник. М., 1988. С.8.
12. Коллективизация: как это было //Правда. 6 августа 1988.
13. Максудов С. Потери населения СССР в годы коллективизации // Звенья. Исторический альманах. Вып.1. 1991. С.83.
14. С.103.
15. Литературная газета. 1989. 24 мая. С.11.
16. Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД — МВД СССР) // Социологические исследования. 1991. N 11. С.3-17.
17. История Отечества: люди, идеи, решения // Очерки истории Советского государства. М., 1991. С. 182.
18. Трус Л. Введение в лагерную экономику // ЭКО. 1990. N 5. С.136.
19. Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В.Сталина // Октябрь. 1988. N 12. С. 129.
20. Гордон Л.А., Клопов В.Э. Что это было? М., 1989 С.177.
21. Шубкин В. Трудное прощание // Новый мир. 1989. N 4.
22. Conquest R. The Great Terror. Stalin's Purge of the Thirties // Harmondsworth, 1971. P.632.
23. Антонов-Овсеенко А. Портрет тирана. Нью-Йорк. 1980. С.261-262.
24. Звенья / Исторический альманах. Вып.1. М.,1991. С.16-17.
25. Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. Опыт оценки численности населения СССР. 1926 — 1941гг. // Вестник статистики. 1990. N 7. С.34-46.
26. Курганов И. Три цифры // Новое слово. 1964. 12 апреля.
27. Большевик. 1946. N 5. С.3.
28. Родина. 1991. N 6-7. С.139.
29. Кваша А.Я. О методике определения людских потерь в Великой отечественной войне //Социологические исследования. 1989 N 1.
30. Андреева Е., Дарская Л., Харькова Т. Оценка людских потерь в период Великой отечественной войны // Вестник статистики. 1990 N 10.
31. Соколов Б. Цена победы. М., 1991.
32. Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. Оценка людских потерь в период Великой Отечественной войны // Вестник статистики. 1980. N 10. С.27.
33. Шубкин В. Трудное прощание // Новый мир. 1989 N 4. С.172.
34. Зотов В. Национальный вопрос: деформации прошлого // Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. С. 268.
35. Триумф и трагедия народа. Беседа с Д.А.Волкогоновым и Р.А.Медведевым // Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. С. 279.
36. Акифьев А. Хомо советикус — хомо сапиенс? // Знание—сила. 1991. N 7. С.14-15.
37. Аргументы и факты. 1990. N 4.
38. Там же.
39. Харламов А. Обречены на вырождение // Куранты. 23 ноября 1991.
40. Известия. 12 декабря 1991.
41. Аргументы и факты. 1990. N 3. С.4.
42. Подгородников М. Мы от природы не способны к демократии // Литературная газета. 11 декабря 1991.
43. Независимая газета. 24 октября 1991.
44. Независимая газета. 28 сентября 1991.